

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

КИНО

Зоя Родкевич: Я первый раз пошла на митинг без камеры

Режиссёр фильма о Борисе Немцове рассказывает, что побудило её сделать эту работу

АНАСТАСИЯ КОЖЕВНИКОВА

В апреле на пермские экраны выходит документальный фильм «Мой друг Борис Немцов». Режиссёр Зоя Родкевич снимала известного политика три года, поначалу и не зная, что из случайных съёмок соберёт потом целый фильм. Вперемешку с митингами, купанием в проруби, поиском футболки и разговорами со случайными прохожими и друзьями камера фиксирует картины русской жизни того времени, которое запечатлено в фильмах «Зима, уходи!» и «Срок. Начало большой истории» — других видных работах с участием Зои Родкевич. Времени, которое оборвалось на Москворецком мосту 28 февраля 2015 года. Юная Зоя говорит об этом быстро и по-честному просто, как близким людям рассказывают о хороших друзьях.

— Зоя, это правда, что вы практически случайно начали снимать фильм?

— Мотивом для периодических съёмок Немцова была работа в онлайн-проекте «Срок», превратившемся впоследствии в lenta.doc. Я снимала бойкие новостные ролики без авторского текста. За три года накопилось столько материала, что стало понятно: нужно делать фильм. Снимать Немцова я к тому времени почти перестала, потому что осенью 2014 года уехала на три месяца в Норильск снимать для проекта Norilskfilm.com, а потом переехала в Питер. И там я начала всё отсматривать отснятое. А пока я смотрела, произошло убийство. Вот тогда уже срочно нужно было делать кино, монтировать. Не в таком медленном режиме, как я работала до этого.

— В интервью вы говорили, что, когда начинали монтаж, ещё при жизни Бориса Немцова, у вас было несколько вариантов развития фильма. Вы тяготели к какому-то одному из них?

— Хотела его максимально раскрыть. Брала именно такие куски, по которым можно было бы его понять как человека. Может быть, я и не стала бы называть фильм так пафосно и там бы совсем не было истории наших дружеских отношений, просто весь мой материал снят под таким близким углом. И как раз самые яркие эпизоды получаются там, где он на меня реагирует, советуется, подшучивает, гоняет. Скорее всего, они бы в любом случае вошли в фильм. Только если бы это была картина, например, только про предвыборную кампанию, то они были бы как кружево.

— Вы несколько раз вполне конкретно говорили о своём стиле. Похоже, что речь не об эстетике?

— Я говорила о том, что я снимаю близкой камерой, которая может и раздражать зрителя. В фильме нет пейзажей, красоты и деталей, которые я тоже люблю и могу снимать. Просто посколь-

ку материал особого рода, то я не переживаю, что в фильме недостаточно красота. С одной стороны, я всегда стараюсь быть включённой в процесс, а с другой — выключить своё мнение и просто остаться наблюдателем.

— Вы обошлись без оператора?

— Нас так учила Марина Разбежкина: режиссёр должен уметь всё сам — и снимать, и писать звук. Кроме того, невозможно представить, как бы я снимала «Мой друг Борис Немцов» с оператором. Возможно, поэтому фильм таким и получился. Хотя со звуком там полный шлак, потому что я только недавно научилась всё выстраивать.

— После убийства сложился определённый образ Бориса Немцова. Кажется, ваш фильм в какой-то мере работает на его десакрализацию, и в то же время в нём встречаются кадры, которые в кинотрадиции обычно используют для возвышения героя. Почему вы решили их оставить?

— На самом деле я очень переживала, какотреагируют зрители, ещё когда был первый показ на «Артдокфесте». Мне казалось, люди скажут: «Зачем ты его таким показываешь?! Это же наш символ...» У меня же не было цели десакрализации. Я не думала: вот здесь я буду его возвышать, а здесь разоблачать. Есть энергетически заряженные кадры: где он во время митинга что-то говорит на фоне неба, а здесь он уже ныряет в прорубь и смеётся, треплет Илью Яшина за щёку.

А на тему, о которой вы говорите, у меня были переживания уже после монтажа. Что бы мне ни говорили мои учителя... А они тоже говорили разное. Например, про то, что некоторые не смогут соотнести показанного мной Немцова со своими представлениями о сакральном герое-символе. Марина Разбежкина говорила, что нужно быть осторожнее, увеличивать монологическую часть, потому что он здесь не в самом привле-

кательном виде и зритель может этого не простить. Александр Расторгуев говорил, что фильм, наоборот, нужно делать более наглым, «рубить» там всех, не прятаться и не стесняться.

Как-то был случай, ко мне подошла женщина и сказала, что Борис Немцов был губернатором в её городе, что я его показываю бабником, а он совсем не такой. В то же время многие говорят, что после просмотра с ним буквально познакомились.

— Это убийство было очень громким. И естественно, многие друзья Бориса Немцова захотят опубликовать воспоминания. Вы не боялись попасть в такую волну мейнстрима?

— Я хотела, чтобы этот фильм вышел первым, потому что понимала: о Немцове будет много фильмов, в том числе и журналистских работ. Мой фильм уникален углом близости к герою — Немцова так никто не снимал. Обычно это были фильмы о его прошлом, а у меня есть только настоящее.

— Ещё вы как-то говорили, что начали его подкалывать по поводу возраста, чтобы его раскрыть, а он как-то очень болезненно это воспринял...

— Да, просто когда я начинаю снимать человека, нужно же найти то, что его откроет для камеры. Я подумала, что так прокатит, а он вообще расстроился

и не хотел общаться. Но потом выяснилось, что его нужно не то что хвалить, а, скорее, говорить комплименты. Но невозможно же честно вместе существовать и постоянно нахваливать человека. Поэтому, мне кажется, очень быстро наше общение стало откровенным и честным. Как, например, в эпизоде, где он спрашивает, нравится ли мне плакат. Уже потом я позволяла себе говорить то, что думаю, валяться на ковре, если я устала на каких-нибудь дебатах, спорить, если не согласна. Я не обманывала никого.

— Может, в этих сложных отношениях с возрастом, в том, что он окружал себя молодыми людьми, было какое-то предчувствие?

— Я думала об этом. Мне кажется, молодые люди просто цеплялись за его энергию. Допустим, они только пришли в политику и ищут себе соратника-наставника. Тут как раз приходит большой, гогоучий, травящий байки Немцов, который собирает вокруг себя всех, как тут не присоединиться?

— Вы ходили на марш памяти?

— Да. Это было очень странно. Я первый раз пошла на митинг без камеры. Даже не знала, чем себя занять, начала смотреть на людей... Я же привыкла, что я выбираю какое-то лицо и начинаю снимать историю.